П. Ѳ. Каптерева.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ

(Изданіе журнала „Русская Школа")

ЦѢНА 75 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа. Разъѣзжая, 15.
1905.

LB
372

Дозволено цензурою Спб., 15 іюля 1905 г.

311
37

„РОДИТЕЛЬСКІЙ КРУЖОКЪ“ при Педагогич. музеѣ В.-уч. зав. въ СПБ.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ
СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ XXVII.

ЗНАЧЕНІЕ ХРИСТІАНСТВА
ВЪ ПОСТАНОВКѢ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ
и
ХРИСТІАНСКІЯ ТЕОРІИ.

П. Ѳ. Каптерева.

Редакторъ *П. Каптеревъ.*
Завѣдывающій изданіемъ *Алексѣй Альмединgenъ.*
Адресъ редакціи: СПБ., Моховая, д. 1, кв. 6.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Значеніе христіанства въ развитіи первоначальнаго воспитанія 3

II. Христіанскія теоріи о первоначальномъ воспитаніи . . 15

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 августа 1900 года.

Типографія М. М. Стасюлевича, Васильевскій Островъ, 5 линія, д. № 28.

II.

Значеніе христіанства въ постановкѣ первоначальнаго воспитанія и христіанскія теоріи.

I.

Значеніе христіанства въ развитіи первоначальнаго воспитанія

Идеи о первоначальномъ воспитаніи дѣтей лучшихъ представителей педагогической мысли классической древности сдѣлались священнымъ завѣтомъ для позднѣйшихъ вѣковъ. По мѣрѣ силъ и возможности, эти идеи изучались, объяснялись и распространялись; ихъ усвояли педагоги-практики, онѣ пробивали себѣ дорогу въ жизнь, такъ что мысль, зародившаяся въ головѣ древняго мудреца много лѣтъ и даже вѣковъ тому назадъ, осуществлялась совсѣмъ въ другое время, въ другой странѣ и при иныхъ условіяхъ. Такъ училъ Платонъ: эту мысль высказалъ Аристотель; Квинтиліанъ думалъ такъ-то— подобныя ссылки на мудрецовъ древности имѣли весьма серьезное значеніе въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, преимущественно же въ средневѣковой періодъ исторіи.

Къ обаянію древней мудрости и классической культуры присоединился въ развитіи идей о первоначальномъ воспитаніи новый элементъ, совершенно другого порядка — христіанская

религія, такъ что позднѣйшее воспитаніе вообще и въ частности первоначальное долгое время основывалось на двухъ началахъ: идеяхъ классической древности и христіанскомъ ученіи.

Божественный основатель христіанства любилъ дѣтей. «Не мѣшайте дѣтямъ приходить ко мнѣ», говорилъ Онъ своимъ ученикамъ. «Будьте, какъ дѣти», поучалъ Онъ взрослыхъ. Милыя, привлекательныя черты дѣтства Онъ хотѣлъ сохранить и за зрѣлымъ возрастомъ. Іисусъ, ласкающій дѣтей и благословляющій ихъ — одна изъ трогательнѣйшихъ картинъ въ исторіи человѣчества. Для улучшенія положенія этихъ малышей, лучшаго ихъ воспитанія христіанство сдѣлало много.

Христіанство лишено національнаго характера, это общечеловѣческая религія. До христіанства религіи были преимущественно національныя, боги — идеалами людей даннаго народа. Боги покровительствовали извѣстному народу и, вмѣстѣ съ нимъ, ненавидѣли его враговъ. Боги были національны и мѣстны. Религіи, какъ и многое другое, раздѣляли, а не соединяли народы, поднимали между ними рознь и вражду, обособляли ихъ. Христіанство явилось объединяющей международной религіей, проповѣдывавшей всеобщее братство людей, единство и родственность всего рода человѣческаго. Всѣ народы и отдѣльные люди—братья между собою, всѣ дѣти одного царя небеснаго, предъ Богомъ всѣ равны: обрѣзанный и необрѣзанный, эллинъ и варваръ. Всѣ народы призывались христіанствомъ къ мирному совмѣстному труду. Для развитія педагогической дѣятельности также закладывалось новое начало, давалась единая религіозная основа всего воспитанія и обученія, равно примѣнимая къ каждому христіанскому народу, между тѣмъ какъ въ періодъ до христіанства воспитаніе отличалось строго національнымъ характеромъ и было различно, въ соотвѣтствіи съ народными особенностями и исторіей.

Эта новая религіозная основа была не только высоко идеалистическая, но и мистическая, находившаяся въ полномъ разладѣ съ господствующими воззрѣніями. Человѣческое существо, несмотря на его полное ничтожество предъ Богомъ, объявлялось

христіанствомъ богоподобнымъ, въ каждомъ человѣкѣ признавалась искра божества. Богъ сотворилъ человѣка по своему образу и подобію. Такимъ образомъ личность человѣческая возвышалась, а всѣ люди уравнивались. Правда, Іисусъ заповѣдывалъ воздавать Кесарево—Кесарю, а его апостолъ Павелъ говорилъ рабамъ, что они должны повиноваться своимъ господамъ, и не только за страхъ, но и за совѣсть; но основатель христіанства, не нарушая установившихся общественныхъ отношеній, говорилъ въ то же время, что нужно, воздавая Кесарево—Кесарю, воздавать и Божіе—Богу. А если разсуждать побожески, то всѣ люди — мужчины, женщины и дѣти, евреи и римляне, греки и варвары—суть существа богоподобныя и по своей природѣ равныя и равноцѣнныя. Христіанство не объединяло себя ни съ какимъ опредѣленнымъ государственнымъ устройствомъ, ни съ какими мѣстными или народными общественными отношеніями и распорядками. Оно ставило себя выше государственнаго строя и правовыхъ отношеній, на землѣ оно указывало путь къ небу и среди временныхъ измѣнчивыхъ отношеній вѣчныя неизмѣнныя обязанности человѣка, вытекающія изъ самой сущности его природы. Поэтому христіанскія обязанности были выше и важнѣе всѣхъ государственныхъ и общественныхъ обязанностей, и если бы между ними возможно было столкновеніе, то первыя нужно было предпочесть послѣднимъ. Этимъ капитальнымъ взглядомъ личность немногихъ, несправедливо превознесшихся надъ другими, принижалась, но личность громаднаго большинства человѣчества высоко поднималась: рабъ, обязанный государствомъ повиновеніемъ господину, съ религіозно-христіанской точки зрѣнія, т.-е. по существу своей природы, сравнивался съ этимъ господиномъ. Предъ Богомъ всѣ равны, и господинъ стоитъ не больше своего раба. Какъ богоподобная, человѣческая личность священна, каково бы ни было ея общественное положеніе. Отнимать у нея жизнь, лишать ее способовъ человѣческаго существованія, унижать и терзать ее—никто не имѣетъ права. Возвѣщалось начало золотого вѣка для всѣхъ обижен-

ныхъ и гонимыхъ: женщинамъ, дѣтямъ, рабамъ объявлялась высокая божественная охрана отъ насилій и притѣсненій.

Если все существо человѣка признавалось христіанствомъ высокимъ, въ немъ усматривалось божественное духовное начало, то и вся жизнь человѣка освѣщалась также особеннымъ свѣтомъ, на нее накидывался покровъ мистической идеалистичности. Главнѣйшіе моменты человѣческой жизни: начало ея, конецъ, вступленіе въ бракъ были соединены съ особыми мистическими обрядами, названными прямо таинствами. Эти моменты уже не были болѣе простыми событіями въ жизни человѣка, какъ біологическаго существа, но сдѣлались высшими фактами, имѣвшими религіозное значеніе. Въ частности заключеніе брака признавалось христіанствомъ не заключеніемъ гражданской сдѣлки, съ нотаріальнымъ договоромъ и неустойкой, а религіознымъ таинствомъ, видимымъ образомъ невидимаго союза Христа съ церковью. Христіанскій бракъ, сохраняя свою естественную задачу — рожденіе и воспитаніе дѣтей, въ тоже время есть образъ невидимыхъ таинственныхъ отношеній и по существу нерасторжимъ: кого соединилъ Богъ, того человѣкъ разлучить не можетъ. Бракъ получалъ необычайную устойчивость, святость и таинственное значеніе. Всѣ члены семейнаго союза суть участники въ религіозномъ таинствѣ, а не въ гражданскомъ договорѣ. Хотя жена и должна повиноваться мужу, но въ брачномъ союзѣ она есть собственно равноправный съ мужемъ членъ. Апостолъ заповѣдалъ мужьямъ: «мужья любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ церковь и предалъ себя за нее». Строй же семьи — обстоятельство настолько важное въ развитіи народной жизни, что измѣненіе взглядовъ на характеръ семьи и взаимныя отношенія ея членовъ не могло не отразиться и на складѣ всей народной жизни.

Наконецъ, христіанство принесло съ собой въ міръ безконечную любовь и кротость, смягчивъ людскія отношенія, изгнавъ изъ нихъ прежнюю суровость. По христіанскому ученію, Богъ есть любовь, и одна изъ самыхъ главнѣйшихъ обязанностей людей — взаимная любовь другъ къ другу. Даже Бога

нельзя любить тому, кто не любитъ человѣка: «если ты не любишь брата своего, котораго видишь, то какъ можешь любить Бога, котораго не видишь?» Всѣ кроткія, мирныя добродѣтели высоко цѣнятся христіанствомъ; понятно, что такія свойства должны быть особенно важны при обращеніи съ маленькими людьми, которыхъ обидѣть такъ легко, которые такъ слабы и беззащитны. Отношеніе родителей къ дѣтямъ должно быть слѣпкомъ съ отношеній Бога къ человѣку: Богъ же, изъ любви къ людямъ, послалъ для спасенія людей своего Сына. Поэтому любовь должна служить главнѣйшею связующею нитью между людьми.

Вотъ главнѣйшія идеи, принесенныя христіанствомъ и имѣвшія близкое отношеніе къ первоначальному воспитанію дѣтей. Между ними и существовавшей воспитательной практикой была цѣлая пропасть, глубокое противорѣчіе. Настоящія христіанскія идеи о первоначальномъ воспитаніи дѣтей крайне медленно и съ великимъ трудомъ измѣняли существовавшую практику, замѣняя старый порядокъ новымъ.

Разсмотримъ коротко постепенное проникновеніе въ жизнь, въ воспитательную практику христіанскихъ педагогическихъ идей.

Издавна въ человѣчествѣ признавалась справедливой мысль, что родители имѣютъ безграничную власть надъ дѣтьми, а послѣднія обязаны первымъ безграничнымъ повиновеніемъ. Дѣти суть какъ бы живыя вещи, находящіяся въ полномъ распоряженіи родителей. Эта мысль вполнѣ естественна, такъ какъ родители суть творцы дѣтей и въ первые годы жизнь дѣтей всецѣло зависитъ отъ родителей, ихъ отношенія къ дѣтямъ. Уходъ за дѣтьми, вообще не легкій, оказывается чрезвычайно затруднительнымъ при нѣкоторыхъ условіяхъ быта дикарей, именно когда мѣстопребываніе часто мѣняется, совершается почти постоянное передвиженіе съ мѣста на мѣсто. Обязанность нести дѣтей лежитъ обыкновенно на матери. Если у ней два дитяти, то она еще можетъ кое какъ справиться съ ними въ пути; но если у ней четверо дѣтей, требующихъ постоянно ея помощи, то ей съ ними не справиться. Что же

съ ними дѣлать? Выходъ изъ затрудненія находили въ убійствѣ одного и двухъ дѣтей. Кёрръ, одинъ изъ первыхъ авторитетовъ въ томъ, что касается туземцевъ Викторіи, свидѣтельствуетъ о племени, съ которымъ онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ почти 20 лѣтъ, что около половины рождавшихся у нихъ дѣтей погибало жертвою дѣтоубійства, объяснявшагося главнымъ образомъ трудностью, если не полною невозможностью, переносить многихъ малолѣтнихъ дѣтей съ мѣста на мѣста при ихъ постоянныхъ передвиженіяхъ. Недостатокъ пищи, разныя суевѣрія (напр., нѣкоторыя племена признавали пагубнымъ сохранять жизнь обоимъ близнецамъ, дѣтямъ, родившимся въ извѣстные дни года и т. п.), отсутствіе сдержки въ чувствахъ (напр., въ припадкахъ гнѣва родители убивали маленькихъ дѣтей) поддерживали и распространяли дѣтоубійство. Особенно въ большомъ числѣ убивали дѣвочекъ. Мальчики цѣнились больше, какъ будущіе воины. Дѣтоубійство было широко распространено у многихъ дикихъ племенъ. Съ другой стороны, о многихъ дикихъ племенахъ извѣстно, что они были хорошо знакомы съ свойствами нѣкоторыхъ, окружавшихъ ихъ, растеній, избавлявшихъ женщинъ отъ обремененія себя излишнимъ количествомъ дѣтей, когда онѣ имѣли ихъ уже столько, сколько могли носить съ собой.

Дѣтоубійство и искуственное выкидываніе не были обычаями лишь дикихъ и варварскихъ племенъ, это обычаи общечеловѣческіе, которые нѣкогда были свойственны каждой расѣ. У высокообразованныхъ грековъ и римлянъ мы встрѣчаемъ тѣ же явленія. Родители имѣли право жизни и смерти надъ своими новорожденными дѣтьми, они могли отказаться отъ обязанности воспитывать своихъ дѣтей, вслѣдствіе чего дѣти подкидывались и часто погибали *). Возвышенная душа Платона не находила дурной ни практику выкидыванія, ни дѣтоубійства, въ его идеальномъ государствѣ она даже была обязательна, если родители достигли уже извѣстнаго возраста, именно отцы были старше 55 лѣтъ, а матери старше 40 лѣтъ.

*) См. XXIV выпускъ Энциклопедіи.

Аристотель также говоритъ въ своей Политикѣ, что долженъ существовать законъ, чтобы никакой несовершенный или искалѣченный ребенокъ не былъ воспитываемъ, а во избѣжаніе излишества населенія нѣкоторыя дѣти должны быть бросаемы, такъ какъ необходимо положить предѣлы возрастанію населенія въ государствѣ. Но если какіе-нибудь родители имѣютъ болѣе предписаннаго количества дѣтей, то слѣдуетъ прибѣгать къ выкидыванію.

Въ Римѣ законами XII таблицъ установлялось, что «дѣти съ явными физическими недостатками должны немедленно же быть убиваемы». А въ періодъ самыхъ раннихъ римскихъ учрежденій отецъ семейства имѣлъ право «укрощать, наказывать и убивать каждаго члена своей семьи». Въ своемъ изслѣдованіи о Гнѣвѣ Сенека говоритъ: «слабыхъ и уродливыхъ дѣтей мы топимъ также не подъ вліяніемъ гнѣва, но вслѣдствіе разумнаго предпочтенія здороваго безполезному». У другихъ латинскихъ писателей также встрѣчаются намеки, указывающіе, что римляне смотрѣли на дѣтоубійство, какъ на очень обычную вещь.

Къ народамъ съ такими убѣжденіями и давними, установившимися твердо, обычаями христіанство обратилось съ проповѣдью, что ни убивать, ни выкидывать, ни подкидывать дѣтей никто не имѣетъ права, что жизнь дѣтей, какъ и взрослыхъ, священна, что родители обязаны воспитывать каждое свое дитя. Очевидно, что христіанская проповѣдь на первыхъ порахъ не могла имѣть успѣха, жизнь шла своимъ чередомъ въ прежнихъ формахъ, двигалась по протореннымъ дорожкамъ, а христіанское ученіе о дѣтяхъ, ихъ правѣ на жизнь и воспитаніе, было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ Римѣ среди матерей былъ весьма распространенъ обычай оставлять своихъ дѣвочекъ у подножія нѣкоторыхъ колоннъ. На это смотрѣли, какъ на смягченіе участи маленькихъ существъ, такъ какъ общественныя площади посѣщались извѣстнымъ разрядомъ людей, которые подбирали наиболѣе обѣщающихъ дѣвочекъ и выращивали изъ нихъ привлекательныхъ и часто блестящихъ куртизанокъ; остальныя же бро-

шенныя дѣвочки погибали. Случалось, однако, что позднѣе родители, по разнымъ побужденіямъ, требовали возврата покинутаго ребенка, между тѣмъ какъ спекуляторъ понесъ уже нѣкоторые расходы. Послѣдній лишался такимъ образомъ барышей и даже терпѣлъ ущербъ. Поэтому число спасенныхъ подкидышей начало, повидимому, уменьшаться. Тогда императоръ Константинъ въ 331 году по Р. Х. провелъ законъ, предоставлявшій людямъ, взявшимъ на воспитаніе брошенныхъ дѣтей, исключительное на нихъ право и устранявшій родителей отъ всѣхъ притязаній, если они не вносили соотвѣтствующаго выкупа. Дѣтоубійство было объявлено преступленіемъ въ 374 году императоромъ Валентиніаномъ, наказывавшимъ за него смертною казнью. Но на практикѣ оно существовало еще очень долго. Когда въ 1000 году жители Исландіи были обращены въ христіанство, они условіемъ своего обращенія поставили то, чтобы у нихъ не было отнято право убивать своихъ новорожденныхъ. Несмотря на данное обѣщаніе, церковныя власти, спустя 20 лѣтъ, отмѣнили это право. Въ законахъ визиготовъ есть такой: «если кто-нибудь спасетъ и воспитаетъ ребенка, брошеннаго его родителями, и если послѣдніе будутъ позднѣе требовать его, то они должны дать раба или соотвѣтственную сумму денегъ, чтобы заплатить за безпокойства, понесенныя названнымъ отцомъ». О преслѣдованіи родителей, бросавшихъ дитя и тѣмъ часто подвергавшихъ его смерти, не упоминается.

Въ христіанскихъ государствахъ продажа родителями дѣтей въ рабство держалась долго. Въ Англіи въ 680 году архіепископъ Ѳеодоръ запрещалъ продажу дѣтей послѣ достиженія ими семилѣтняго возраста. Полувѣкомъ позднѣе другой епископъ грозилъ отлученіемъ тѣмъ, кто продастъ своихъ дѣтей въ какомъ бы то ни было возрастѣ. Во Франціи право продажи дѣтей было въ силѣ до 9-го столѣтія, какъ это видно изъ законодательства Карла Лысаго, направленнаго къ прекращенію этого обычая.

Такъ какъ мысль о необходимости обезпеченія дѣтской личности проникала очень туго въ сознаніе христіанскихъ

народовъ, то христіанская церковь пришла на помощь въ этомъ дѣлѣ обществу, учредивъ первые пріюты для дѣтей и воспитательные дома. Одинъ изъ первыхъ пріютовъ для брошенныхъ дѣтей устроилъ въ 787 году архіепископъ Датей въ Миланѣ. «Я хочу», говорилъ Датей, «чтобы дитя тотчасъ, какъ только оно будетъ подкинуто къ церкви, было взято надзирателемъ, помѣщено въ пріютъ и передано на попеченіе кормилицамъ съ платою за то; по достиженіи этими дѣтьми 8-лѣтняго возраста, они должны быть свободны и уволены отъ всякаго рабства, имѣть право идти туда и жить тамъ, гдѣ пожелаютъ». Первые воспитательные дома были учреждены также церковью. Спустя лѣтъ 200 послѣ Датея, воспитательные дома начали распространяться въ Западней Европѣ, чему особенно много содѣйствовалъ орденъ Св. Духа. Вообще христіанство съ самаго начала своего существованія стремилось придти на помощь обществу и родителямъ въ дѣлѣ воспитанія осиротѣлыхъ и бѣдныхъ дѣтей. Знаменитый отецъ церкви, Василій Великій (IV в.) внушалъ христіанамъ: «осиротѣвшихъ дѣтей слѣдуетъ принимать безъ дальнихъ справокъ, а тѣхъ, у кого есть родители, тогда, когда они предлагаются въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей. Они, какъ общія, братьямъ принадлежащія, дѣти должны пользоваться благочестивымъ воспитаніемъ. Для этого слѣдуетъ назначить особые дома; притомъ установить особый ихъ возрасту вполнѣ отвѣчающій образъ жизни; надзоръ надъ ихъ воспитаніемъ слѣдуетъ поручить пожилому, опытному, въ терпѣніи испытанному мужу, который обращался бы съ ними отечески кротко». Христіанскіе соборы также рано вооружились противъ убійства дѣтей, выкидыванія и подкидыванія, убѣждая христіанъ воспитывать осиротѣлыхъ и покинутыхъ дѣтей [1]).

Несмотря на всѣ усилія христіанской церкви и созданнаго подъ ея вліяніемъ законодательства обезпечить жизнь и пра-

[1]) Что въ этомъ отношеніи было сдѣлано у разныхъ народовъ въ эпоху до Р. Х., см. въ названныхъ ниже сочиненіяхъ Lallemand'a и Hügel'я.

вильное воспитаніе дѣтей, это обезпеченіе оказывается у христіанскихъ народовъ далеко еще недостаточнымъ. Нерѣдко встрѣчающіяся въ судебной практикѣ дѣла о дѣтоубійствѣ, доселѣ держащійся обычай подкидыванія дѣтей, большая населенность воспитательныхъ домовъ и, наконецъ, доходящіе до суда случаи истязанія дѣтей родителями и воспитателями—все это показываетъ, что христіанскому обществу много еще нужно сдѣлать для лучшаго и болѣе глубокаго усвоенія христіанскихъ идеаловъ, а вмѣстѣ и для болѣе правильной и гуманной постановки отношеній къ дѣтямъ, которыя страдаютъ совершенно безвинно. Такой подъемъ общественнаго сознанія и дѣятельности возможенъ лишь при возвышеніи общей культурности въ христіанскомъ духѣ.

Возвышая и оберегая дѣтскую личность, христіанство вмѣстѣ возвышало и оберегало и личность женщины, признавая ее равноправнымъ членомъ въ семейномъ союзѣ, а этотъ послѣдній таинствомъ, а не торговой сдѣлкой. Въ развитіи и укрѣпленіи такихъ взглядовъ христіанство встрѣтило также множество препятствій. Здѣсь неумѣстно было бы излагать исторію положенія женщины, но всѣмъ извѣстно, что это положеніе въ дохристіанское время всюду было очень тяжелое, не исключая наиболѣе просвѣщенныхъ странъ, каковы Греція и древняя Италія. У римлянъ жена была настолько подчинена мужу, что, по закону, считалась занимающею мѣсто дочери. У аѳинянъ женщины вели довольно замкнутую жизнь и, по положенію въ семьѣ, не могли быть и сравниваемы съ мужчинами. Женъ покупали, женъ продавали, женами мѣнялись, женъ жестоко били и даже убивали и все это или почти все дѣлалось и въ христіанскихъ странахъ. Христіанская церковь энергично боролась за лучшее положеніе женщины, но долгое время ея успѣхи въ этомъ направленіи были ничтожны. Въ Норвегіи, Швеціи, Даніи и Исландіи, уже послѣ того, какъ главная масса ихъ населенія была обращена въ христіанство, бракъ не считался дѣйствительнымъ, если за невѣсту не была внесена плата. Закономъ, относящимся къ 819 году по Р. Х., постановлялось, что во Франціи долженъ быть подвергнутъ

публичному покаянію всякій, «кто покинетъ или убьетъ свою жену только для того, чтобы жениться на другой». Отсюда слѣдуетъ, что, въ случаѣ болѣе уважительной причины, мужъ не совершалъ преступленія, убивая или бросая жену. Во Франціи, въ теченіе всего феодальнаго періода, единственное ограниченіе, которое предписывалось въ битьѣ жены, заключалось въ томъ, что мужъ долженъ былъ бить жену «съ умѣренностью и не причиняя ей смерти». Это право битья женъ отстаивалось почти во всей Европѣ лѣтъ за 200 до настоящаго времени. Въ половинѣ XIV вѣка во Франціи женщина не имѣла права являться въ судъ свидѣтельницею или истцемъ; мужъ долженъ былъ быть ея представителемъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда она обвиняла самого мужа въ томъ, что онъ сломалъ ей руку или ногу, или выковырялъ глазъ, «потому что никто не долженъ такъ наказывать жену». Въ Англіи юридическое право мужа продать свою жену было уничтожено формальнымъ образомъ не особенно давно.

При полномъ безправіи жены и дѣтей, при безграничной почти власти мужа и отца, при куплѣ и продажѣ жены и дѣтей, брачный союзъ лишался христіанскаго характера, въ немъ не было духа любви, равноцѣнности и равноправности личностей, ихъ свободы и нѣжныхъ, преданныхъ и глубоко искреннихъ отношеній. Въ семьѣ, при нехристіанскомъ ея строѣ, былъ господинъ—купецъ и были во всемъ зависимыя и вполнѣ неравноправныя съ господиномъ жена и дѣти. О гуманизмѣ въ отношеніяхъ членовъ такой семьи не могло быть и рѣчи. Конечно, въ настоящее время, съ улучшеніемъ положенія женщины въ семьѣ и обществѣ и съ поднятіемъ общей культурности человѣчества, семейный союзъ значительно облагородился; но и въ настоящее время онъ еще далекъ отъ того, чтобы быть истинно христіанскимъ таинствомъ, связывающимъ двухъ, симпатично настроенныхъ, существъ для совмѣстнаго и добраго прохожденія жизненнаго пути; элементы торговой сдѣлки и нынѣ еще очень сильны въ бракѣ; настоящей равноправности членовъ и истинной гуманности отношеній часто недостаетъ еще и нынѣшней семьѣ.

При такомъ строѣ семьи первоначальное воспитаніе дѣтей не могло отличаться какими либо выдающимися достоинствами. Каждый народъ вкладывалъ въ него то, что́ давала ему культура, съ нѣкоторою примѣсью христіанскихъ элементовъ, преимущественно внѣшняго характера. Грубая, суровая семья и дѣтей воспитывала грубо и сурово, въ духѣ, далекомъ отъ настоящаго христіанскаго духа любви и гуманности; все христіанство выражалось лишь въ пріученіи дѣтей къ христіанскимъ обрядамъ, въ посѣщеніяхъ церкви, въ заучиваніи молитвъ, уваженіи духовенства и т. п. Истинно христіанское воспитаніе осуществилось лишь въ первоначальныхъ христіанскихъ общинахъ и въ отдѣльныхъ избранныхъ семьяхъ, глубоко проникнутыхъ христіанскими началами. Христіанская мать кормила сама свое дитя грудью. Когда дѣти лишались матери вслѣдствіе мученической ея смерти во время гоненій, то о нихъ пеклась христіанская община, которой они принадлежали, или-же ихъ принималъ кто-нибудь изъ вѣрующихъ, особенно христіанскія дѣвы. Пища и одежда ребенка были простыя. Болѣе всего обращалось вниманіе на то, чтобы дѣти тогда только придавали цѣну наружному, когда оно служитъ внутреннему. Дѣвочка училась у матери прясть, ткать, шить и пр., а мальчики—ремеслу отца. Въ нравственномъ же отношеніи они пріучались къ простотѣ, благонравію, преданности Богу, любви къ семьѣ, отчизнѣ и людямъ. Вмѣстѣ съ родителями они посѣщали богослужебныя собранія и больныхъ. Въ родительскомъ воспитаніи строгость соединялась съ любовью. Вообще цѣлью воспитанія ставилось развитіе въ дѣтяхъ богоподобія.

Въ истинно христіанскихъ семьяхъ важнѣйшими воспитателями дѣтей были женщины, т.-е. матери. Мужья постоянно отвлекались отъ занятій съ дѣтьми путешествіями, дѣлами форума и общественными обязанностями, тогда какъ жены, свободныя отъ всѣхъ этихъ заботъ, сидя дома, тѣмъ лучше могли заняться дѣтьми. Поэтому въ христіанскихъ семьяхъ выдвинулось нѣсколько матерей, значительно повліявшихъ на своихъ, знаменитыхъ впослѣдствіи, сыновей. Таковы были: Нонна, мать Григорія Назіанзина, Анѳуса, мать Іоанна Златоуста,

и Моника, мать бл. Августина (въ IV в.). А Іоаннъ Златоустъ восклицалъ: «Посмотрите, что́ совершило пришествіе Христа на землю! Женщины превосходятъ насъ въ благородныхъ нравахъ, христіанскомъ жарѣ и благочестіи, въ любви ко *Христу, снявшему проклятіе съ женскаго пола*». Христіанство надѣлило женщину первоначальнаго христіанскаго общества такой энергіей и бодростью, такимъ чувствомъ сострадательной любви и терпѣнія, что даже языческій преподаватель краснорѣчія въ Антіохіи, Ливаній, невольно воскликнулъ: «что за жены у христіанъ!»

II.

Христіанскія теоріи о первоначальномъ воспитаніи.

Христіанству, какъ новой религіи, нужно было опредѣлить свое отношеніе къ ранѣе его существовавшему язычеству. Выясненіе этого отношенія было важно потому, что вся культура, вся наука, всѣ знаменитые писатели и мудрецы были языческіе. Легко было отвергнуть язычество, какъ религію, объявить его сплошнымъ заблужденіемъ, предать проклятію: но трудно было отвергнуть языческую культуру, такъ какъ никакой другой не было; трудно было отказаться отъ языческой науки, философіи и отъ языческаго искусства, питавшихъ умъ и сердце наиболѣе просвѣщенныхъ людей въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Такимъ образомъ вопросъ объ отношеніи христіанства къ язычеству оказывался вопросомъ весьма сложнымъ и труднымъ, особенно въ примѣненіи къ воспитанію, такъ какъ всѣ воспитательныя средства, какія только существовали, были языческаго происхожденія и находились въ рукахъ у язычниковъ.

По этому вопросу образовались два направленія: латинское и греческое. Первое, во главѣ съ Тертулліаномъ (III в.) и Іеронимомъ (ум. 420 г.), отвергло всякую связь христіанства съ язычествомъ и поэтому всякую возможность воспользоваться истин-

ному христіанину чѣмъ либо изъ языческой культуры; второе развивало мысль о нѣкоторомъ родствѣ между христіанствомъ и язычествомъ, а потому и о возможности для христіанина пользоваться средствами языческаго образованія.

Горячій, страстный Тертулліанъ разсуждалъ такъ: обрѣтши Іисуса Христа, намъ нечего мудрствовать далѣе; получивъ евангеліе, намъ нечего болѣе искать. Вѣруя, мы уже ни въ чемъ болѣе не нуждаемся, какъ въ одной вѣрѣ. Всякіе поиски и пріобрѣтенія прекращаются съ вѣрою. Лучше не знать ничего, лишь бы не знать того, чего не слѣдуетъ знать, такъ какъ христіанинъ уже знаетъ все, что̀ нужно ему знать. Тертулліанъ проклиналъ и объявлялъ грѣхомъ все языческое, всякое приспособленіе къ языческимъ нравамъ и обычаямъ. Языческая философія и философія вообще представлялась ему порчею чистой человѣческой природы, роскошью ума. Поэзія древнихъ достойна презрѣнія; ее легко замѣнить простыми пѣснопѣніями христіанъ. «Ты, христіанинъ, ищешь науки; она при насъ, только не изъ Аѳинъ. Что общаго у Аѳинъ съ Іерусалимомъ, у академіи съ церковью?»

При такомъ, строго отрицательномъ, отношеніи къ языческой культурѣ воспитательная дѣятельность чрезвычайно затруднялась; христіанство есть религія и религіозное воспитаніе, самое наилучшее, не составляетъ еще всего воспитанія. Получались слишкомъ большіе пробѣлы, даже пустота, одно отрицаніе, такъ какъ христіанской культуры еще не было. Поэтому когда бл. Іеронимъ захотѣлъ начертать способъ чисто христіанскаго женскаго воспитанія, тогда получилось нѣчто монастырское, весьма одностороннее и мало пригодное для жизни. Такъ онъ писалъ одной матери о воспитаніи ея дочери: «она должна быть глуха для музыки, ей даже знать не надо, для чего сдѣланы флейта, лира и цитра.... Она должна навыкнуть не слышать ничего, не говорить ничего, помимо относящагося къ страху Божію.... Шалуновъ мальчиковъ слѣдуетъ удалять отъ нея.... Назначить ей воспитательницей пожилую дѣвицу испытанной вѣрности и честности, чтобы она увѣщевала ее своимъ примѣромъ и пріучала вста-

вать ночью для молитвы и псалмовъ, а по утрамъ пѣть хвалебныя пѣсни... Пусть полюбитъ божественное писаніе, изучитъ псалтирь, пророковъ, пятокнижіе и пр. Пускай учится работать изъ шерсти, плести корзины» и т. п. Нельзя сказать, чтобы подобный идеалъ, при своей крайней односторонности, былъ особенно привлекателенъ, хотя Іеронимъ и дѣлалъ кой-какія, правда, очень маленькія, уступки языческой культурѣ.

Отцы восточной церкви, съ знаменитымъ Климентомъ Александрійскимъ и Оригеномъ во главѣ (II и III в.), разсуждали иначе объ отношеніи христіанства къ языческой культурѣ. Они держались такого взгляда, что Богъ подготовлялъ родъ человѣческій къ пришествію Искупителя двоякимъ путемъ: божественнаго откровенія и естественнаго развитія разума. Первымъ путемъ Онъ велъ евреевъ. Онъ выдѣлилъ еврейскій народъ изъ другихъ народовъ, далъ ему откровеніе, устроилъ его жизнь. Самъ былъ его царемъ. Евреи народъ богоизбранный. Другимъ путемъ Богъ велъ язычниковъ. Онъ предоставилъ имъ познавать Бога не изъ откровенія, а изъ природы, которая есть дѣло рукъ Божіихъ. Онъ отдалъ ихъ водительству ихъ разума и совѣсти. Язычество также служило подготовкой къ христіанству, какъ и еврейство, но только своимъ особеннымъ способомъ. Поэтому языческая культура, языческая философія и наука не представляютъ чего либо противоположнаго христіанству, а подготовляютъ къ нему. Христіанину можно и слѣдуетъ пользоваться произведеніями языческой науки и языческаго искусства во всемъ, въ частности и въ воспитаніи: языческіе философы и культурные дѣятели заслуживаютъ полнаго вниманія и уваженія христіанъ. Въ этомъ убѣжденіи греческіе отцы раскрывали родство воззрѣній языческихъ мудрецовъ съ христіанскимъ ученіемъ.

Взгляды восточной церкви получили съ теченіемъ времени перевѣсъ надъ взглядами отцовъ западной церкви, и христіане въ широкой мѣрѣ пользовались во всей своей жизни, въ частности и при воспитаніи своихъ дѣтей, средствами языческой культуры. Но отзвукъ споровъ по этому вопросу, занимавшему церковь преимущественно въ III и IV вѣкахъ, сохранялся долгое

время, во всѣ средніе вѣка, и въ 17 еще вѣкѣ Амосъ Коменскій посвятилъ этому вопросу большую главу въ своей Великой Дидактикѣ (XXV гл.). Въ ней онъ прямо заявляетъ, что если мы хотимъ полнаго преобразованія школъ по началамъ истиннаго христіанства, то должны или совсѣмъ удалить изъ нихъ книги, написанныя язычниками, либо, по крайней мѣрѣ, обращаться съ ними съ большею осмотрительностью, чѣмъ до сихъ поръ. «Я вижу, говорилъ Коменскій, что многія школы христіанъ только по названію христіанскія, въ остальномъ же видятъ свое услажденіе единственно въ Теренціи, Плавтѣ, Цицеронѣ, Овидіѣ, Катуллѣ, Тибуллѣ, Музахъ и Венерѣ. Отсюда бываетъ, что онѣ міръ лучше знаютъ, чѣмъ Христа, и что въ средѣ христіанства надобно отыскивать христіанъ. Это происходитъ отъ того, что нѣкоторымъ весьма ученымъ богословамъ Христосъ служитъ только маскою, между тѣмъ какъ Аристотель и вся ватага язычниковъ снабжаютъ ихъ духомъ и тѣломъ. Это ужасающее злоупотребленіе христіанскою свободою, наипостыднѣйшее осквернение и дѣло величайшей опасности».

Основные элементы христіанскихъ теорій о первоначальномъ воспитаніи дѣтей были одни и тѣ же у всѣхъ христіанскихъ народовъ. Такихъ элементовъ было собственно три: христіанское ученіе, ученіе древнихъ классическихъ педагоговъ и жизненная практика, выработанная тѣмъ или другимъ народомъ и болѣе или менѣе воспринятая, согласно взглядамъ автора, въ теорію. Послѣдній элементъ вносилъ различіе въ теоріи, но пока его вліяніе было еще не особенно велико и ощутительно, такъ что христіанскія теоріи, принадлежавшія различнымъ народамъ и вѣкамъ, очень сходны между собою, повторяютъ одна другую. Крупнѣйшими христіанскими теоретиками въ этой области мы признаемъ двухъ: итальянца, дѣятеля эпохи возрожденія, Матвѣя Вегіуса (1406—1458 гг.) и славянина Яна Амоса Коменскаго (1592—1671 гг.). Чтобы избѣжать повтореній, мы изложимъ совмѣстно ихъ взгляды, дополняя ученіе одного ученіемъ другого. Сколько либо значительныхъ различій между ними совсѣмъ нѣтъ, напротивъ, они постоянно сходны какъ по своимъ

взглядамъ, такъ и по стройности изложенія предмета—семейнаго воспитанія дѣтей.

Оба писателя, особенно же Коменскій, останавливаются на разъясненіи важности первоначальнаго воспитанія. Воспитательный періодъ, по Коменскому, долженъ обнимать все время отъ рожденія до начала возмужалости, т.-е. первые 24 года жизни. Этотъ обширный періодъ времени заключаетъ четыре возраста: дѣтство, юность, отрочество и молодость. Каждый изъ поименованныхъ возрастовъ обнимаетъ по шести лѣтъ и каждому возрасту назначается особая школа: дѣтству—материнская, въ семьѣ, отрочеству—городская или деревенская, юности—латинская и молодости — академія. Учебные предметы нельзя раздроблять по школамъ: напротивъ, ихъ всѣ слѣдуетъ проходить всегда одновременно, подобно тому, какъ дерево растетъ всегда всѣми своими отдѣльными вѣтвями вмѣстѣ. Различіе преподаванія въ различныхъ школахъ можетъ состоять лишь въ обширности изложенія, такъ что въ низшихъ школахъ преподается въ болѣе общемъ видѣ тоже самое, что въ высшихъ излагается подробно. Поэтому первоначальное воспитаніе составляетъ фундаментъ всего образованія человѣка, материнская школа—основу всѣхъ другихъ школъ.

Свои разсужденія о первоначальномъ воспитаніи дѣтей Коменскій открываетъ изложеніемъ той мысли, что дѣти—величайшая драгоцѣнность, которую Богъ довѣрилъ родителямъ. Всевозможными доводами, въ одно и то же время и наивными и глубоко трогательными, онъ старается доказать родителямъ, что дѣти дѣйствительно драгоцѣнность, что къ нимъ нужно относиться весьма внимательно. Когда, по изображенію Св. Писанія, Богъ обращается къ людямъ и хочетъ говорить съ ними благосклонно и милостиво, онъ называетъ ихъ дѣтьми, какъ будто бы нѣтъ другого имени, болѣе пріятнаго и привлекательнаго. Христосъ говорилъ про дѣтей, что имъ принадлежитъ Царство Небесное и что взрослые должны уподобляться дѣтямъ. Дѣти драгоцѣннѣе золота, серебра, жемчуга, драгоцѣнныхъ камней, потому что золото и серебро—мертвая матерія, блестящая глина, дѣти же суть живые образы живого Бога. Золото и серебро

были созданы простымъ словомъ Божіимъ, дѣти же, какъ люди, суть такое созданіе, о которомъ Пресвятая Троица держала совѣтъ и которое Богъ образовалъ своими руками. Золото и серебро происходятъ изъ земли, дѣти же изъ нашего существа и суть мы сами. Хотя золото и серебро и суть дары Божіи, однако Господь никогда не обѣщалъ поставить ангеловъ стражами къ нимъ; напротивъ, сатана близокъ ко всѣмъ этимъ земнымъ благамъ и пользуется ими для соблазна людей. Къ дѣтямъ же приставлены ангелы-хранители, такъ что кто имѣетъ въ домѣ дѣтей, тотъ можетъ быть увѣренъ, что онъ имѣетъ ангеловъ въ домѣ. Золото и серебро сами по себѣ ничему не могутъ научить насъ, дѣти же могутъ научить многому, они имѣютъ многія достоинства. Эту величайшую драгоцѣнность—дѣтей Богъ довѣряетъ родителямъ для того, чтобы родители воспитали своихъ дѣтей въ вѣрѣ въ Бога и страхѣ Божіемъ, чтобы привили имъ добрые нравы, пріучили къ добродѣтели, обучили языкамъ, наукамъ, искусствамъ, а прежде всего выростили бы ихъ здоровыми и бодрыми.

Самая первая и главная обязанность родителей по отношенію къ дѣтямъ есть вполнѣ хорошая жизнь, которая могла бы служить поучительнымъ примѣромъ для дѣтей. Хорошій примѣръ чрезвычайно важенъ въ жизни вообще, особенно же онъ вліятеленъ въ воспитаніи юношества. Вегіусъ подробно доказываетъ эту мысль—великую важность хорошаго примѣра. Во всякой области искусства и науки живой примѣръ и самостоятельное подражаніе скорѣе достигаютъ цѣли, чѣмъ простое поученіе и увѣщаніе. Какъ органъ зрѣнія болѣе благонадежное чувство, чѣмъ слухъ, такъ и обученіе примѣрами дѣйствительнѣе обученія словами. Апостолы, посланные Іисусомъ Христомъ для распространенія Евангелія, больше дѣйствовали своими чудесами и своею святою жизнью, чѣмъ краснорѣчіемъ и ученостью. Самъ Іисусъ Христосъ, по свидѣтельству Св. Писанія, началъ свою учительскую дѣятельность не словами, а дѣлами. Та же мысль подтверждается авторитетомъ многихъ замѣчательныхъ писателей древности. Особенно матери, принадлежащія къ слабѣйшему полу, увлекающіяся часто суетностью и модами,

должны заботливо стараться подавать своимъ дочерямъ примѣръ воздержной и простой христіанской жизни.

Воспитаніе дѣтей, по ученію обоихъ авторовъ, начинается до рожденія, а потому и обязанности родителей захватываютъ періодъ утробной жизни младенца. Обязанности родителей до рожденія дѣтей слѣдующія: мужъ долженъ строго соблюдать вѣрность своей женѣ, такъ какъ позднѣе дѣти могутъ быть укоряемы неблаговидными поступками отца, а эти укоры могутъ произвести на нихъ сильное неблагопріятное впечатлѣніе. Точно такъ же родители не должны увлекаться чувственностью, что, по свидѣтельству врачей, неблагопріятно вліяетъ на тѣло и духъ имѣющаго родиться позднѣе дитяти. Истощеніе постомъ, работой, долгимъ путешествіемъ—неблагопріятное условіе для развитія здороваго, крѣпкаго потомства и предрасполагаетъ къ тѣлеснымъ и душевнымъ недостаткамъ. Очень молодые люди, во избѣжаніе слабости потомства, не должны вступать въ бракъ. Беременныя женщины необходимо должны подчиняться гигіеническимъ требованіямъ—достаточно питаться, умѣренно двигаться, избѣгать праздности, а равно напряженной работы, не имѣть въ спальнѣ какихъ-либо картинъ или каррикатуръ, которыя могли бы произвести на будущую мать, а вмѣстѣ и на плодъ, неблагопріятное впечатлѣніе. Само собой разумѣется, что будущимъ матерямъ совѣтуется ежедневно молиться о благополучіи ихъ плода.

По рожденіи дитяти, первая забота родителей, по ученію обоихъ педагоговъ, состоитъ въ правильномъ питаніи, значительно вліяющемъ не только на физическія, но и нравственныя свойства и расположеніе дитяти. По естественному порядку, безусловно соблюдаемому въ царствѣ жавотныхъ, матери должны сами кормить своихъ дѣтей; ни волчица, ни львица не отталкиваютъ своихъ дѣтенышей отъ своей груди. Совершенно несправедливо думать, что природа дала женщинѣ груди болѣе для красоты, чѣмъ для кормленія дѣтей: двѣ груди даны природой женщинѣ на случай рожденія близнецовъ, чтобы оба одновременно и въ достаточной мѣрѣ могли быть питаемы. Если мать сама не кормитъ дитя, поручая это дѣло посторонней

женщинѣ, то дитя на эту стороннюю женщину переноситъ и свою любовь, которая принадлежала бы матери; дитя отчуждается тогда отъ матери, а мать отъ дитяти. Впрочемъ, могутъ быть случаи, когда необходимо взять кормилицу, именно: когда мать слаба здоровьемъ, у неѣ плохое молоко и т. п. Выборъ кормилицы долженъ быть производимъ весьма тщательно, и избранная должна быть подчинена въ своей жизни гигіеническимъ требованіямъ. Кормилицы имѣютъ большое вліяніе на вскармливаемыхъ ими дѣтей, не только физическое, но и нравственное: нравственныя свойства кормилицы, какъ свидѣтельствуютъ многіе случаи, передаются ихъ питомцамъ, послѣдніе бываютъ похожи на своихъ молочныхъ матереи не только физически, но и душевно.

Другія правила первоначальнаго физическаго воспитанія слѣдующія: дѣтей рано нужно пріучать къ холоду, они легко его переносятъ вслѣдствіе значительной естественной теплоты дѣтскаго организма. Дѣти бѣдныхъ людей и въ холодное время ходятъ въ самой скудной одеждѣ безъ всякаго для себя вреда. Будучи способными переносить до извѣстной степени холодъ, дѣти совсѣмъ не въ состояніи переносить голодъ. Дѣтскій организмъ находится въ состояніи непрерывнаго роста, а потому и нуждается въ обильной пищѣ, равно какъ и достаточномъ снѣ. Конечно, правильная мѣра должна быть соблюдаема и здѣсь. Вина не слѣдуетъ давать дѣтямъ до 9 года. Крики и плачъ дѣтей не слѣдуетъ подавлять, такъ какъ они служатъ средствомъ къ развитію дѣтскихъ силъ. Чтобы ростъ дѣтей не задерживался, нужно до пяти лѣтъ оберегать дѣтей отъ работы. До этого возраста дѣти вообще неспособны ни къ какому обученію. Умѣренное напряженіе силъ, напротивъ, весьма полезно и въ этомъ возрастѣ, какъ предохраненіе отъ лѣни. Всего же цѣлесообразнѣе въ разсматриваемый періодъ жизни игры, если онѣ, давая достаточное упражненіе физическимъ силамъ, не влекутъ слишкомъ большого напряженія ихъ и если онѣ не заключаютъ ничего неприличнаго. Вообще нужно замѣтить, что тотъ образъ жизни, къ которому пріучаютъ дѣтей,

окажетъ сильное вліяніе на все ихъ будущее и удержится и въ позднѣйшее время.

Нужно поощрять ежедневныя движенія дѣтей. Чѣмъ больше дитя бѣгаетъ, что-нибудь дѣлаетъ, работаетъ, тѣмъ крѣпче спитъ, правильнѣе перевариваетъ пищу, лучше растетъ, тѣмъ бываетъ свѣжѣе и бодрѣе. Поэтому дѣтямъ должны быть отводимы особыя мѣста для бѣганья и упражненій подъ надзоромъ особыхъ лицъ. Хорошо пріучать дѣтей и къ опредѣленному образу жизни, все дѣлать во-время, по порядку; это также помогаетъ здоровью. Наконецъ родители не должны упускать изъ вида и дѣтскихъ развлеченій. Нужно поддерживать въ дѣтяхъ веселое настроеніе духа, поэтому съ перваго же года забавлять ихъ ношеніемъ по комнатамъ, хлопаньемъ въ ладоши, пѣніемъ, играми, а въ дальнѣйшіе годы бѣганьемъ, прыганьемъ, музыкой, словомъ, давать дѣтямъ и позволять имъ все то, что имъ нравится, что пріятно дѣйствуетъ на ихъ зрѣніе, слухъ и другія чувства, такъ какъ такія пріятныя возбужденія помогаютъ здоровью тѣла и души. Конечно, въ развлеченіяхъ дѣтей нужно соблюдать умѣренность и исключать изъ нихъ все, что противорѣчитъ добрымъ нравамъ.

Въ дѣлѣ умственнаго развитія дѣтей въ материнской школѣ Коменскій хотѣлъ достигнуть того, чтобы дѣти, путемъ самостоятельнаго наблюденія, пріобрѣли самыя разнообразныя всесторонніе основныя представленія, которыя позднѣе должны служить фундаментомъ научныхъ занятій и свѣдѣній. Коменскій полагалъ, что въ указанныхъ имъ четырехъ школахъ должно преподавать не различное, но всюду одно и то же, только различнымъ образомъ, именно все то, что въ состояніи сдѣлать человѣка истинно человѣкомъ, христіанина—дѣйствительно христіаниномъ, ученаго—подлинно ученымъ, но преподавать соотвѣтственно ступени возраста и предшествующей подготовкѣ, служащей поддержкою послѣдующему развитію.

Поэтому Коменскій старался опредѣлить, какія именно представленія дѣти должны пріобрѣсть въ материнской школѣ по различнымъ наукамъ: естествознанію, оптикѣ, астрономіи, географіи, хронологіи, исторіи, политикѣ, ариѳметикѣ, геометріи и т. п.

Требованія Коменскаго отъ дѣтей въ этихъ разнообразныхъ направленіяхъ мысли не велики. Напримѣръ, во второй годъ жизни географическія знанія дѣтей должны обнять дѣтскую, спальню, столовую, они должны знать мѣсто прогулки, умѣть отыскать источникъ свѣта и теплоты; на третій годъ дѣти должны знать кухню, погребъ, конюшню, дворъ при домѣ, садъ и вообще все, что есть въ домѣ и около дома; на четвертый годъ дѣти должны ознакомиться съ улицей, площадью, съ домами сосѣдей, родныхъ, къ которымъ ходятъ и т. д.; на пятый и шестой годы дѣти должны понимать, что такое городъ, деревня, гора, рѣчка и т. п. Своимъ свѣдѣніямъ по астрономіи дѣти могутъ положить начало на второмъ, самое позднее—на третьемъ и четвертомъ годахъ, научившись разсматривать небесную твердь и узнавать, что̀ такое солнце, луна и звѣзды. На третьемъ или четвертомъ году они могутъ понять, что солнце и луна восходятъ и заходятъ, что луна иногда кажется полной, а иногда нѣтъ и т. п. На шестой годъ дѣти должны знать, что зимой дни бываютъ коротки, а ночи длинны, лѣтомъ же наоборотъ и т. д. Обученіе счисленію ранѣе третьяго или четвертаго года начинать нельзя, на четвертомъ же году дѣти могутъ научиться считать до пяти, потомъ до десяти. На пятомъ и на шестомъ годахъ дѣти научатся отчетливо считать до 20, и будутъ въ состояніи понимать, что 7 болѣе 5, 15 болѣе 13, что̀ равно или неравно. Вести ихъ дальше, обременять сложеніемъ и вычитаніемъ напрасно и вредно, потому что уму человѣческому ничто не дается труднѣе чиселъ.

Подобныя же, очень умѣренныя, требованія поставилъ Коменскій материнской школѣ и по отношенію къ другимъ предметамъ.

Изъ искусствъ Коменскій рекомендуетъ черченіе, пѣніе, сначала собственно подпѣваніе молитвъ дома и въ церкви, а на пятомъ году и самостоятельное пѣніе, при чемъ дѣти должны открывать свои уста, чтобы своими голосами славить Бога - Творца. Въ то же время дитя заучиваетъ и разные стихи, преимущественно религіозно-назидательнаго характера. Мамки, укачивая дѣтей, пусть напѣваютъ подобныя назидательныя

пѣсенки, онѣ дѣтямъ такъ нравятся, что дѣти скоро засыпаютъ подъ эти пѣсни. Вмѣстѣ съ черченіемъ нужно поощрять и всякій другой ручной трудъ дѣтей, пусть они перекладываютъ вещи съ одного мѣста на другое, льютъ воду, зажигаютъ, гасятъ, строятъ, связываютъ, ломаютъ, рѣжутъ, дѣлаютъ всякую посильную работу, потому что такія работы много способствуютъ здоровью тѣла и доброму настроенію духа. Такъ какъ при подобныхъ упражненіяхъ дѣти легко могутъ испортить нужныя вещи или причинить себѣ вредъ, то дѣтямъ для игръ и занятій нужно давать дѣтскія игрушки, тупые металлическіе ножи, деревянныя орудія, мельницы, лошадокъ, негодныя книги и т. д., пусть они лѣпятъ изъ глины, клеятъ, строятъ домики изъ дерева и камней. Чѣмъ только дѣти хотятъ играть и что не вредно, то и нужно давать имъ, потому что праздность вредитъ и тѣлу, и душѣ.

При умственномъ воспитаніи дѣтей не нужно забывать, что дѣтскій разумъ можетъ правильно развиваться только среди товарищей и сверстниковъ, что никто не можетъ столько научить дитя, какъ другое дитя. У дѣтей - сверстниковъ одинъ возрастъ, одно настроеніе, однѣ мысли, между ними полная откровенность, отсутствіе страха и принужденія, изобрѣтеніе одного легко перенимается другимъ. Поэтому желательно, чтобы дѣти ежедневно сходились на улицѣ или гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ для совмѣстныхъ игръ. Но товарищи игръ должны быть выбираемы съ осторожностью—дурное товарищество принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Какъ въ умственномъ отношеніи Коменскій требуетъ отъ дѣтей собственныхъ наблюденій, непосредственнаго знакомства съ окружающими предметами и явленіями, такъ подобнаго же наглядnаго способа онъ совѣтуетъ держаться и при нравственномъ развитіи дѣтей. Главнѣйшее средство нравственнаго образованія дѣтей—живой и постоянный примѣръ хорошихъ нравовъ и добродѣтели со стороны взрослыхъ (мысль эту подробно развилъ Вегіусъ). Дѣти отличаются подражательностью, они повторяютъ все, что дѣлаютъ на ихъ глазахъ другіе, поэтому тамъ, гдѣ есть дѣти, взрослымъ нужно быть особенно

осторожными. Къ живому примѣру полезно присоединить наставленіе, но непремѣнно короткое; длинныя разглагольствованія и усовѣщеванія дѣтей—напрасная трата времени. Третье средство нравственнаго образованія есть дисциплина, наказаніе, въ частности тѣлесное, розгой, къ которому иногда придется прибѣгать. Когда дитя дѣлаетъ что-либо неподобающее, то на него нужно прикрикнуть, но такъ, чтобы не испугать его, чтобы только привлечь его вниманіе и, затѣмъ, пристыдить его словами. Если дитя послушается, то и прекрасно, можно даже поощрить его похвалой; если же не послушается, то наказать розгой. Коменскій не одобряетъ тѣхъ родителей, которые снисходятъ дѣтямъ во всемъ, выращиваютъ ихъ безъ розги и дозволяютъ дѣлать все, что́ имъ угодно. Онъ признаетъ справедливымъ мнѣніе какого-то древняго писателя, утверждавшаго, что кто выростаетъ безъ страха, тотъ будетъ жить безъ стыда. Если бы дѣтская натура была подобна даже ангельской, то и тогда дитя нуждалось бы въ розгѣ.

О наказаніяхъ дѣтей разсуждалъ въ свое время и Вегіусъ, но разсуждалъ болѣе гуманно, чѣмъ Коменскій. Вотъ какъ онъ думалъ объ этомъ предметѣ. При наказаніяхъ дѣтей нужно соблюдать строгую умѣренность. Многіе родители совершенно ошибочно думаютъ, что угрозы и удары суть главнѣйшія средства хорошаго воспитанія. Такими средствами невозможно достигнуть ничего другого, кромѣ внушенія страха, который нерѣдко остается на всю жизнь. Тѣлесныя наказанія причиняютъ часто вредъ тѣлу, особенно если налагаются родителями въ гнѣвѣ: въ тѣлѣ образуются въ высшей степени вредные соки, страхъ парализуетъ дѣятельность и энергію, а при отсутствіи дѣятельности, органы тѣла сжимаются и становятся болѣзненными. Большая суровость дѣйствуетъ на дѣтей точно такъ же, какъ продолжительная засуха на молодыя деревья. Суровое воспитаніе болѣе прилично рабамъ, чѣмъ свободно рожденнымъ людямъ. Мягкое отношеніе къ дѣтямъ скорѣе сдѣлаетъ ихъ расположенными къ добру и отвратитъ отъ зла, чѣмъ суровое.

Но если устранить тѣлесное наказаніе и вообще суровое

обращеніе съ дѣтьми, то какія же средства останутся у воспитателя для вліянія на воспитываемаго? Съ одной стороны, одобреніе, похвала, съ другой—порицаніе. Похвала возбуждаетъ соревнованіе, усиленную дѣятельность, порицаніе удерживаетъ отъ ошибокъ. По словамъ древняго поэта (Эннія), «получить похвалу страстно стремятся всѣ смертные», отличія, которыя имѣютъ другіе за свою хорошую дѣятельность, также способны въ значительной степени возбуждать энергію дѣтей. Затѣмъ, слѣдуетъ пользоваться указаніемъ на печальныя слѣдствія, которыя ведетъ за собою дурная жизнь, и такими устрашающими примѣрами предохранять отъ совершенія проступковъ. Поэтому будетъ цѣлесообразно дозволять иногда мальчикамъ присутствовать при казняхъ разбойниковъ, убійцъ и другихъ злодѣевъ.

Св. Писаніе рекомендуетъ примѣненіе тѣлесныхъ наказаній при воспитаніи дѣтей; но соотвѣтствующіе совѣты встрѣчаются преимущественно въ книгахъ Ветхаго Завѣта, въ которыхъ имѣлся въ виду, прежде всего, еврейскій народъ,—народъ, по свидѣтельству самого же Св. Писанія, «жестоковыйный», для обузданія котораго необходимы были суровыя мѣры. Въ отношеніи къ дѣтямъ другихъ націй нужно пользоваться сначала мягкими средствами и лишь тогда, когда они окажутся недѣйствительными, прибѣгать къ суровымъ, рекомендуемымъ Ветхимъ Завѣтомъ. Притомъ, между дѣтьми нерѣдко встрѣчаются такія, которыя по природѣ склонны къ доброму и прекрасному; примѣнять къ такимъ дѣтямъ суровыя мѣры нѣтъ никакихъ основаній. Впрочемъ, слѣдуетъ избѣгать излишней мягкости и снисходительности по отношенію къ дѣтямъ; особенно няньчиться съ ними, какъ обыкновенно дѣлаютъ матери, не подобаетъ. Правильное воспитаніе требуетъ отъ родителей такта и осторожности. Одинаково нелѣпо было бы воспитывать дитя, подобно вьючному животному, помощью ударовъ, или же, какъ комнатную собачонку, постоянно ласкать и нѣжить. Родители должны соблюдать правильную средину между суровостью и мягкостью и, смотря потому, чего требуютъ обстоятельства и время, быть то мягкими, то строгими.

При воспитаніи дѣтей чрезвычайно важно отдавать себѣ отчетъ въ темпераментѣ и индивидуальномъ духовномъ расположеніи воспитываемой личности. Чтобы улучшать нравы, нужно поступать такъ же, какъ поступаетъ врачъ при исцѣленіи тѣлесныхъ недуговъ, именно нужно стараться найти противодѣйствующее каждому недостатку цѣлительное средство. По мнѣнію Вегіуса, оно заключается обыкновенно въ противоположномъ данному недостатку пріемѣ. Такъ, болтливаго нужно не допускать до большихъ обществъ и пріучать къ уединенію, легкомысленнаго слѣдуетъ пріучать къ серьезности и т. д. Словомъ, нужно поступать при воспитаніи примѣнительно къ индивидуальности, въ этомъ заключается одна изъ основъ педагогики. А главнѣйшіе типы дѣтей Вегіусъ приводитъ къ извѣстнымъ четыремъ темпераментамъ.

Религіозное воспитаніе дѣтей Коменскій полагалъ возможнымъ начать съ третьяго года; раньше этого времени сдѣлать что-либо въ религіозномъ отношеніи трудно. Способъ развитія набожности и религіознаго чувства заключается въ пріученіи къ внѣшнимъ молитвеннымъ знакамъ и заучиваніи молитвъ. Дѣти по третьему году, въ то время, когда родители молятся, поютъ молитвы предъ обѣдомъ или послѣ обѣда, должны стоять тихо и складывать ручки; потомъ должны пріучаться преклонять колѣна, устремлять взоръ къ небу и молиться, запомнивъ какую-либо коротенькую молитву. Затѣмъ, дитя учитъ въ теченіе одного или двухъ мѣсяцевъ «Отче нашъ», причемъ молитва разбивается на прошенія и каждое прошеніе заучивается въ теченіе, примѣрно, недѣли повтореніемъ его одинъ или два раза утромъ и вечеромъ. За молитвой Господней слѣдуетъ символъ вѣры, заучиваемый по членамъ, первый членъ въ теченіе одного мѣсяца повтореніемъ утромъ и вечеромъ (хорошо также передъ обѣдомъ и послѣ обѣда), первый и второй члены въ теченіе второго мѣсяца, первый, второй и третій члены въ теченіе третьяго мѣсяца и т. д., весь символъ вѣры заучивается въ теченіе года. Потомъ заучиваются заповѣди, на пятомъ году вечернія и утреннія молитвы и т. д. При заучиваніи молитвъ дѣтямъ можно обѣщать, что если

они будутъ охотно молиться и слушаться родителей, то Богъ пошлетъ имъ красивый сюртучекъ или шубку: если же нѣтъ, то онъ ихъ погубитъ. И когда на дѣтей надѣваютъ новое платье, даютъ имъ завтракъ и вообще дѣлаютъ что-либо пріятное имъ, то можно внушать, что это имъ Богъ посылаетъ. Когда съ дѣтьми присутствуютъ при погребеніи, то имъ нужно показать, какъ зарываютъ мертвое тѣло и, для укорененія въ дѣтской памяти мысли о Богѣ, разъяснить, что Богъ посылаетъ смерть. Нужно чаще указывать дѣтямъ на небо и говорить, что тамъ живетъ Богъ; если гремитъ громъ, внушать, что это Богъ предостерегаетъ злыхъ и т. п.

Христіанскимъ теоріямъ о первоначальномъ воспитаніи дѣтей нужно отдать справедливость въ томъ отношеніи, что въ нихъ весьма всесторонне и стройно обсуждается поставленный вопросъ. Можно прямо сказать, что этими теоріями построена цѣлая система первоначальнаго христіанскаго воспитанія: выяснено его значеніе въ воспитаніи вообще, его главнѣйшія стороны и средства. Не осталось безъ вниманія и физическое развитіе дѣтей, хотя авторы теорій были далеки по своимъ спеціальнымъ занятіямъ отъ физіологіи и медицины. Но этимъ теоріямъ присущъ одинъ весьма важный недостатокъ—слабость научныхъ основаній.

Когда усматриваешь изъ изложенныхъ теорій, что въ такомъ-то году дѣтьми могутъ быть пріобрѣтены такія-то знанія, а годъ спустя—другія; что религіозное воспитаніе можно и слѣдуетъ начинать съ такого-то возраста и вести такъ-то; что уродливыя изображенія и каррикатуры въ комнатѣ беременной женщины могутъ повредить ея плоду, а кормилица можетъ передать кормимому ею ребенку не только свои физическія, но и нравственныя свойства,—тогда невольно возникаютъ вопросы: какъ все это происходитъ? Какія основанія для подобныхъ утвержденій, кромѣ случайныхъ, широко не провѣренныхъ, наблюденій, которыя завтра же могутъ быть опровергнуты наблюденіями противоположнаго характера? Отвѣта на подобные вопросы нѣтъ; нѣтъ у нашихъ авторовъ ни настоящихъ доказательствъ, ни надлежащаго анализа высказываемыхъ су-

жденій. Какая либо мысль высказывается и, затѣмъ, вмѣсто доказательствъ ея и анализа, въ подтвержденіе приводятся цитаты изъ Св. Писанія, мнѣнія древнихъ классическихъ авторовъ, разные примѣры, сравненія. Этимъ развитіе мысли и заканчивается, причемъ самая сущность ея часто остается совсѣмъ нераскрытой и недоказанной.

Чтобы основательно разсуждать о первоначальномъ воспитаніи дѣтей, для этого необходимо напередъ опредѣлить особенности дѣтской природы въ цѣломъ, сравнительно съ природой взрослаго, а затѣмъ указать свойства, характеризующія тотъ или другой дѣтскій возрастъ въ отдѣльности; нужно непремѣнно выяснить, какъ совершается развитіе человѣка по различнымъ сторонамъ его природы въ дѣтствѣ. Иначе сказать, теорія первоначальнаго воспитанія должна имѣть впереди себя физіологію и психологію дѣтскаго возраста. Этого или совсѣмъ нѣтъ, или очень мало въ разсматриваемыхъ теоріяхъ. А безъ физіологіи и психологіи дѣтства какъ же быть при воспитаніи маленькихъ дѣтей? Какъ ни важно по своимъ основнымъ идеямъ христіанское ученіе, какъ ни цѣнны мнѣнія древнихъ авторовъ, какъ ни поучительна созданная рядами поколѣній воспитательная практика, все же они никогда не могутъ замѣнить для теоріи о первоначальномъ воспитаніи науку о дѣтствѣ. Ея отсутствіемъ и можно объяснить нѣкоторыя странныя мысли, встрѣчающіяся въ изложенныхъ теоріяхъ, напримѣръ, ту, что присутствіе дѣтей при казняхъ преступниковъ есть одно изъ средствъ нравственнаго воспитанія дѣтей. На такую мысль навело Вегіуса, вѣроятно, чрезмѣрное уваженіе къ древности. Онъ упоминаетъ о пріемѣ древнихъ спартанцевъ, для отвращенія юношества отъ пьянства, напаивать на пирахъ рабовъ и такимъ образомъ давать юношеству живую картину дурныхъ послѣдствій чрезмѣрнаго употребленія вина. Эта устрашающая наглядная система воспитанія и доведена Вегіусомъ до nec plus ultra.

Впрочемъ, отмѣчая слабость теоретическихъ научныхъ основаній въ изложенныхъ взглядахъ на первоначальное воспитаніе дѣтей, мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы охарактеризован-

ные взгляды были въ цѣломъ или въ большей своей части ложны; нѣтъ, многое у поименованныхъ авторовъ оказалось справедливымъ и позднѣе было подтверждено. Разнообразныя и многовѣковыя наблюденія надъ дѣтьми, содержавшіяся въ принятой воспитательной практикѣ и педагогическихъ теоріяхъ древнихъ мыслителей, не могли быть всецѣло ложными и заключать сплошную ошибку; они не были лишь провѣрены научнымъ анализомъ и болѣе тщательнымъ и систематическимъ изученіемъ дѣтей. Конечно, въ нихъ было довольно и ложнаго, неточнаго, преувеличеннаго. Что же касается христіанскаго ученія, какъ основы воспитанія дѣтей, то и донынѣ есть защитники строго богословскаго направленія въ педагогіи, какъ за границей, такъ и у насъ, которые полагаютъ, что все существенное по части воспитанія дѣтей дано въ Св. Писаніи, таинствахъ, церковномъ богослуженіи и т. п. и которые стараются какъ можно меньше дать мѣста наукѣ, общественности, культурнымъ стремленіямъ и другимъ такимъ же элементамъ. *П. Каптеревъ.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ УКАЗАНІЯ.

А. Сутерландъ. Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта (первыя главы). Перев. съ англ. Кончевской. Спб. 1900 г.

К. Шмидтъ. Исторія педагогики. Москва. 1879 г. Т. II (первыя главы).

А. Михайловъ. Наши дѣти. Спб. 1881 г.

Ш. Летурно. Эволюція воспитанія у разныхъ человѣческихъ расъ. Перев. съ франц. Спб. 1900 г.

Л. Мадзалевскій. Историческое значеніе христіанства для воспитанія. Спб. 1892 г.

L. Lallemand. Histoire des enfants abandonnés et delaissés. Paris. 1885.

T. Hügel. Die Findelhäuser und das Findelwesen Europas. Wien. 1863.

M. Vegius. De educatione liberorum et eorum claris moribus. Нѣмецкій перев. (Коппа) въ Bibliothek der katholischen Pädagogik B. U. Mapheus Vegius Erziehungslehre (теорія первоначальнаго воспитанія изложена въ первой книгѣ).

Амосъ Коменскій. Великая дидактика гл. XXVII. Schola infantiae или «О заботливомъ воспитаніи юношества въ первыя шесть лѣтъ». Сочиненіе первоначально было написано по-чешски, а затѣмъ переведено и издано по-нѣмецки въ Лиссѣ въ 1633 г. и по-латыни въ 1657 г. въ Амстердамѣ. Другое заглавіе этого же сочиненія: Schola gremii materni (Школа материнскаго нѣдра). Русскій пер. «Материнской Школы» (съ нѣмецк.). М. Воскресенской. Спб. 1892 г.